Михаил Осеевский,
вице-губернатор Санкт-Петербурга

У нас есть хорошие перспективы с появлением НЕФТЯНОЙ БИРЖИ

Что, на ваш взгляд, является главными признаками и атрибутами мирового финансового центра?

Признаки мирового финансового центра просты и понятны: в первую очередь, объем активов в том или ином городе, объем операций, которые проводятся банковскими и финансовыми посредниками на биржевых или внебиржевых площадках. Конечно, большую роль играет и количество финансовых институтов, которые расположены в городе, претендующем на роль финансового центра.

Какие-то имиджевые составляющие для мирового финансового центра важны?

Для людей, которые не являются специалистами, такие атрибуты, как, скажем, 900-метровая биржа в Дубае, наверное, могут иметь значение. С эмоциональной точки зрения, это, конечно, определенный знак, но для профессионалов финансового рынка такие составляющие вторичны. Для них главное — объем операций, количество работающих в данном городе контрагентов, уровень деловой активности в целом, наличие всех необходимых для работы финансовых инструментов, несомненно, комфортное законодательство и эффективная судебная система.

Почему Лондон стал одним из крупнейших финансовых центров мира?

Лондон удобен для континентальной Европы своей географической близостью. Все-таки он находится с ней в одной часовом поясе. А после известных трагических событий в Нью-Йорке и последовавшего за ними ужесточения американского законодательства, в том числе и корпоративного, Лондон с его сформировавшейся за сотни лет четкой юридической системой стал привлекателен и для других участников мирового финансового рынка, в том числе и для российских компаний.

Как вы относитесь к амбициям Москвы как столицы России стать одним из мировых финансовых центров?

Конечно, такая крупная страна, как Россия, имеет право на то, чтобы со временем претендовать на позицию международного финансового центра. И конечно, в качестве первого шага Москва могла бы претендовать на статус финансового центра для стран постсоветского пространства и стран Восточной Европы. Этому есть понятные и объективные предпосылки. Мы самая большая страна этого региона, у нас самая большая капитализация фондового рынка…

И сколько может уйти у нашей страны на реализацию подобной задачи?

Я думаю, это годы. Потому что, с законодательством у нас все еще не очень хорошо, с судебной практикой у нас еще совсем все плохо. Нам нужно сделать более приближенной к мировым стандартам систему законодательного и административного регулирования финансовых рынков. Все мы помним эти нескончаемые споры о том, что такое фьючерс, что такое опцион и как эти понятия надо отражать в российском законодательстве. Москва, безусловно, имеет очень хорошие шансы стать лидером на территории постсоветского пространства и даже стран бывшего Варшавского договора. А дальше, дальше начнется конкуренция с глобальными игроками.

И с кем в первую очередь Москве придется конкурировать?

Конечно, с Лондоном, который нам гораздо ближе территориально. Центром Азии, безусловно, будет Пекин. В Европе же будет несколько игроков разного масштаба. В Америке финансовым центром продолжит оставаться Нью-Йорк. Может быть, в Бразилии появится финансовый центр — скорее всего, Сан-Паулу.

А Индия не претендует на создание собственного финансового центра?

Думаю, пока нет.

Претендует ли Петербург хотя бы на часть функций мирового финансового центра?

Отчасти, разумеется, да. Понятно, что у нас есть хорошие перспективы с появлением Нефтяной биржи. Тем более что она, возможно, вообще будет биржей энергоресурсов и на ней будут проводиться торги в том числе и газом.

А на каком этапе находится создание этой биржи?

На организационном. Это означает, что в данный момент проходит стадия юридической регистрации биржи, затем начнется этап, связанный с созданием необходимых технологий, инфраструктуры биржевых торгов, выработки правил и различных регламентов.

Уже решено, где будет располагаться создаваемая Нефтяная биржа?

Да, она разместится на новой биржевой площадке, которая возводится сейчас рядом со зданием биржи «Санкт-Петербург» на Большом проспекте Васильевского острова.

А почему отказались от идеи разместить Нефтяную биржу в историческом здании Биржи на стрелке Васильевского острова?

На стрелке, в здании Биржи, находится Музей Военно-Морского Флота, который пока даже при всем желании просто некуда переводить. И моя точка зрения по этому вопросу заключается в том, что современной бирже вовсе не нужно находиться в историческом здании рядом с Ростральными колоннами. Может быть, какой-то представительский центр — чтобы сохранить традицию — и можно было бы там создать. Но торговать ценными бумагами в этом здании вовсе необязательно. Ведь современная биржа — это в первую очередь технологии и линии связи. Любая биржа — это бизнес, даже если она создается при активной поддержке государства. Биржа будет работать, только если сможет предложить участникам набор интересных для них финансовых инструментов. В первую очередь — инструментов для хеджирования рисков при определении среднесрочных рыночных цен на энергоносители.

Но разве не обязательно располагать незамерзающим портом, если речь пойдет о фьючерсах на энергоносители с поставкой?

Во-первых, мы надеемся, что у нашей страны появится выход на Восток — в сторону Китая и Японии. Во-вторых, мы рассчитываем, что наши компании будут становиться глобальными игроками, приобретая месторождения и перерабатывающие мощности в других странах. С этой точки зрения, на мой взгляд, наша биржа должна интегрироваться в глобальный рынок, предлагать комплекс услуг.

Не пострадает ли проект Нефтяной биржи от того, что иностранных партнеров отстранили от участия в нем? Не грозит ли ей участь исключительно внутренней площадки, на которой будут определяться, скажем, цены на дизтопливо для нужд Министерства обороны РФ?

Речь идет об иностранной бирже, которая в итоге не будет учредителем Нефтяной биржи в Санкт-Петербурге. Я считаю, что ничего страшного в решении отказаться от сотрудничества с заокеанскими партнерами нет. Россия на сегодня располагает современными биржевыми технологиями и в состоянии самостоятельно реализовывать подобный инфраструктурный проект. Мы изначально имели возможность перешагнуть через несколько этапов развития биржевого дела и сразу запустить электронную торговлю ценными бумагами. Поэтому, с точки зрения технологий, подобное партнерство не является для нас крайне необходимым. С точки зрения маркетинга и привлечения на биржевую площадку ведущих мировых игроков, нам, конечно, может понадобиться помощь. Но и здесь речь скорее пойдет о каких-либо консультантах, нежели о соучредителях биржи.

В последнее время наблюдается конфронтация России с западным сообществом по целому ряду политических вопросов. Может ли эта конфронтация серьезно помешать воплощению идеи превращения Москвы в мировой финансовый центр, а Петербурга — в центр биржевой торговли энергоносителями? Или международные финансовые институты, как и в случае с Китаем и финансовыми центрами на его территории, на ваш взгляд, все же будут ориентироваться не на чьи-то политические демарши, а на экономические выгоды?

Политика влияет на бизнес. Но не надо переоценивать это влияние. При всех наших непростых взаимоотношениях с США корпорация General Motors строит в Петербурге завод. И приходят другие участники, потому что для них это рынок, это бизнес, это часть их стратегии. Так же и здесь — если биржа будет предлагать нужный, понятный рыночный механизм, он будет востребован. Власти и президенты меняются, меняются точки зрения, а бизнес остается и будет оставаться и завтра, и послезавтра.

Все крупные мировые банки уже давно работают в Москве. Для них это бизнес, и для них профит важнее всего остального. Конечно, они смотрят на то, нет ли в стране тоталитарного режима, соблюдаются ли в ней права человека и так далее, потому что в противном случае бизнес строить практически невозможно. Россия все-таки демократическая страна, в которой соблюдаются права человека. Конечно, у нас есть проблемы. Но и в Китае, и в Индии они есть, и в Бразилии. Попробуйте в Сан-Паулу вечером выйти на улицу — дальше чем на 500 метров от гостиницы отойти нельзя. Уровень преступности просто огромный.

В последнее время российские монетарные власти активно продвигают тезис о России как об островке стабильности в неспокойном море финансового кризиса. Согласны ли вы с этим? И если нет, то что, по вашему мнению, мешает стать России таким «островком»?

Мы интегрированы в сырьевой рынок. Мы интегрированы в мировой финансовый рынок. Очевидно, что ликвидность российской банковской системы в значительной степени зависела от возможностей получать кредиты на западных рынках. Сейчас эти возможности снизились, и тот огромный положительный приток капитала, который наблюдался в прошлом году, тут же превратился в отток. Не то чтобы мы нестабильны, но мы ощущаем влияние процессов, которые происходят на мировом рынке. Если говорить о краткосрочной банковской ликвидности, она сегодня проблем не вызывает. Но структура пассивов банков неудовлетворительна для того, чтобы поддерживать долгосрочные инвестиционные проекты, не говоря уже об ипотечных кредитах сроком на 20–30 лет. Поэтому и должна быть в итоге проведена пенсионная реформа, чтобы в финансовом секторе появился долгосрочный денежный ресурс.